

УДК 82.02 + 27

**ХРИСТИАНСТВО В РОМАНТИЧЕСКОМ СЛОВЕ:
«ЖИЗНЬ» Н. В. ГОГОЛЯ И «ГИМНЫ К НОЧИ» НОВАЛИСА**

И. А. Станичук

Тверской государственной университет
*научно-образовательный центр комплексного изучения проблем
романтизма*

В статье предпринята попытка типологического сближения Н. В. Гоголя и Новалиса через их обращение к тайне Рождества Христова и ее поэтическое изображение.

Ключевые слова: *ночь, сон, тайна, Рождество, смерть, жизнь*

В последнее время исследователи романтизма все чаще начинают говорить о нем как об особой форме богопознания [8, с. 14]. В этой связи было бы интересно рассмотреть отношение романтиков к отдельным событиям евангельской истории.

«Бедному сыну пустыни снился сон» [3, с. 90] – этими словами начинается этюд Н. В. Гоголя «Жизнь». Тема сна в романтизме тесно связана с тайной, поэтому такое начало придает всему последующему повествованию статус явления, находящегося за гранью реальности. Наделяя ночь священным смыслом, Новалис называл ее спутника – сон – «святым, <...> безмолвным вестником неисчерпаемой тайны», «приобщающим к небу» и имеющим «ключи от чертога блаженных» [12, с. 50–51]. Сон заключает в себе нечто сокровенное, область недоступного знания и сакральных реалий, парадоксальным образом одновременно трансцендентных и посредством сна имманентных человеку. В этюде «Жизнь» сон открывает величайшую тайну мировой истории – Рождество Спасителя. В мотивах сна и тайны, в художественном способе изображения историософских идей, воплощающем характерные особенности романтической поэтики, «Жизнь» Н. В. Гоголя сближается с 5 гл. «Гимнов к ночи» Новалиса.

Исторически Гоголь более объективен. У Новалиса в поэтической форме изображена собственная мифология истории. Говоря словами В. М. Жирмунского, «данные» личного созерцания «раздвигаются в общую картину, повествующую о судьбах мироздания» [4, с. 113]. Вместе с тем сквозь ткань истории Гоголь и Новалис обоюдно подходят к изображению события, одновременно ознаменовавшего закат старой и начало отсчета новой эры человечества. У русского классика читаем: «Камениста земля; презренен народ; немногочисленная весь прислонилась к обнаженным холмам, изредка, неровно оттененным иссохшею смоковницею. За низкою и ветхою оградой стоит ослица. В деревянных яслях лежит младенец; над ним склонилась непорочная мать и глядит на него исполненными слез очами; над ним высоко в небе стоит звезда и весь мир осияла чудным светом» [3, с. 92].

Немецкий романтик пишет: «В народе, прежде всех в презрении созревшем, чуждавшемся упорно юности блаженно-невинной, был явлен лик невиданный нового мира – в жилище, сказочно убогом, сын первой девы-матери, таинственно зачатый Беспредельным» [12, с. 61].

Тема Рождества значима как для Гоголя, так и для Новалиса. В творчестве Гоголя это событие связано с победой над злом и духовным возрождением человека. В общем контексте мировоззренческих убеждений Новалиса Рождество есть предначатие утраченного Золотого века (равносильного вечности). При этом утверждается и личная вера романтика в Спасителя: «Жизнь вечную ты в смерти людям дашь, // Ты - смерть, и ты – целитель первый наш» [12, с. 62]. «Смерть, – писал Новалис, – это жизнь после смерти» [13, с. 106]. В христианстве Рождество – это смерть самой смерти. Христос рождается, чтобы принести себя в жертву, позволить смерти войти в себя, Бога, в «котором она не может найти места» [11, с. 271]. Гоголь не делает акцента на этом событии, но говорит о нем, используя образ Богородицы. Словно предузнавая крестную смерть родившегося младенца, его «непорочная мать глядит на него исполненными слез очами» [3, с. 92]. Для Гоголя Рождество символизирует именно жизнь, конечную реальность всего сущего: смерть теряет в ней свой онтологический статус. Поэтическая форма этюда Гоголя в сущности подтверждает тезис Новалиса о том, что «смерть – это романтизированный принцип нашей жизни» [13, с. 106].

В тайне Рождества заключен и высший смысл человеческой жизни: «*Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа*» (Ин. 17). Другими словами, жизнь в своем истинном измерении есть познание, познание Бога через его Сына, в Котором она обретает вневременной статус – вечность. «Бедный сын пустыни» [3, с. 90], который может быть соотнесен с аллегорическим изображением народов, находящихся вне пределов культуры развитых цивилизаций дохристианского мира, становится призванным к этой жизни, перед которой меркнет земная мудрость, слава и могущество. Н. В. Гоголь создает как бы мгновенный исторический срез: время в нем останавливается, цветущий мир замирает, «как будто бы царства предстали все на страшный суд перед кончиною мира» [3, с. 91]. Палестина – страна «презренного» [3, с. 92] народа, но блаженна в своем смирение и нищете. Она избрана свыше стать колыбелью, в которой родилось и исполнилось ценностно новое содержание мировой истории. Рождение Спасителя произошло ночью. В контексте этюда ночь символизирует языческий античный мир с его аксиологией, и в этой ночи зарождается свет иной жизни, дающий взамен временным человеческим ценностям, ценности вечные: «Высоко в небе стоит звезда и весь мир осияла чудным светом» [3, с. 92].

У Новалиса 5 гл. составляет часть его «ночных гимнов». Ночь понимается как олицетворение смерти, а смерть как подлинная жизнь противопоставляется господству «вечного смятения» [12, с. 54] дневного света. Родившийся Христос сам есть смерть и ночь, и Он же есть вечная жизнь и свет в ночи. Его воскресение для Новалиса – это преддверие преображения человеческого существа, возрождение Золотого века, в котором обретается вечная любовь, блаженство и бессмертие: «Небесными лучами / Упьемся, как вином; // Светить мы будем сами / В сиянье неземном» [12, с. 65]. <...> «К былым блаженным временам // Поможет смерть вернуться нам» [12, с. 69].

Сопоставление отдельных произведений Гоголя с фрагментами из произведений Новалиса, конечно, не подразумевает попытки обнаружить генетическую связь в их творчестве. Новалис – это такое же уникальное явление для немецкой литературы, как и Гоголь для русской. Более убедительным является сближение Н. В. Гоголя с В. Г. Вакенродером, Л. Тиком, Э.-Т. А. Гофманом, что подтверждает ряд литературоведческих работ [1; 7; 10; 15;

17; 19]. По отношению к Новалису кажется более резонным говорить о принципиальных различиях, чем о наличии каких-то точек соприкосновения с творчеством Гоголя. Склад характера, философско-мировоззренческие и стилистические принципы у обоих писателей были различными. Отсутствуют также свидетельства о том, что Гоголь был знаком с произведениями иенского романтика. Хотя, думается, полностью отрицать этого нельзя. Новалис, вне всякого сомнения, оказал огромное влияние на романтическую мысль. Вяч. И. Иванов писал: «... Все, что создано в романтизме после него, – освещается и согревается его гением, в котором, как в световом фокусе, сходятся все лучи романтической мысли и поэзии» [6, с. 170].

Россия здесь не была исключением. Переводами немецких романтиков занимались любомудры. Сам Гоголь знал немецкий язык и мог читать попадавшие ему в руки произведения романтиков в оригинале. С творчеством Новалиса был знаком близкий друг Гоголя В. А. Жуковский, который даже предполагал осуществить перевод его произведений [2, с. 12]. Он увлекся Новалисом в бытность свою в Германии: «На Жуковского произвел сильное впечатление Новалис, <...> с его произведениями Жуковский познакомился в начале 1810-х годов» [16, с. 45], что оставило свой отпечаток в его творчестве. Близкое Новалису видение смерти как блага, как рубежа, за которым обретается истинная жизнь, и истинная родина человека, просматривается, например, в строках стихотворения Жуковского «Теон и Эсхин» (1814) и «Деревенский сторож в полночь» (1816), отдельные семантические обороты которых перекликаются со стихами из «Гимнов к ночи» немецкого романтика.

По отношению к Гоголю и Новалису можно говорить о типологической близости, которая так характерна для писателей эпохи романтизма. В таких совпадениях лишний раз находит подтверждение положение Фр. Шлегеля о непрекращающемся становлении романтической поэзии, об общности романтического мышления [18, с. 295]. И. В. Карташова, неоднократно обращавшаяся в своих работах к этому вопросу, отмечала: «Существует целый ряд общеромантических истин и положений», которые «рождались как бы "сообща", в сознании различных людей, нередко разделенных национальными и временными границами. <...> Появление в творчестве писателя уже известной романтической истины чаще свидетельствовало не о заимствовании, но о типологическом соответствии, сотворчестве, сопричастности единому движению» [9, с. 56].

Список литературы.

1. Ботникова А. Б. Э.-Т. А. Гофман и русская литература // *Немецкий романтизм: диалог художественных форм*. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2003. С. 27–38.
2. Бурова Е. Г. *Немецкая романтическая лирика в русских переводах второй половины 19 века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01, 10.01.03* Удмуртский гос. ун-т. Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 2009. 25 с.
3. Гоголь Н. В. *Собрание сочинений: в 8 т. М.: Изд-во Правда, 1984. Т. 7: Статьи 1831–1847 гг.* 528 с.
4. Жирмунский В. М. *Немецкий романтизм и современная мистика*. СПб: Аксиома, 1996. 240 с.
5. Жуковский В. А. *Собрание сочинений: в 3 т. М.: Худож. литература, 1980. Т. 1: Стихотворения. 438 с. Т. 2: Баллады. Поэмы. Повести и сцены в стихах. 493 с.*
6. Иванов Вяч. О Новалисе // *Arbor Mundi. Международный журнал по теории и истории мировой культуры. Вып. 3. М.: Мировое древо, 1994. С. 169–190.*

7. Карташова И. В. Гоголь и Вакенродер // В.-Г. Вакенродер и русская литература первой трети XIX века. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1995. С. 87–96.
8. Карташова И. В., Семенов Л. Е. Романтизм и христианство // Русская литература 19 века и христианство. М.: Изд-во Московского ун-та, 1997. С. 103–110.
9. Карташова И. В. Этюды о романтизме. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. 189 с.
10. Котляревский Н. Н. В. Гоголь. М.: Альтернатива-Евролинц, 2003. 244 с.
11. Лосский В. Н. Мистическое богословие Восточной церкви. М.: Изд-во: Центр «СЭИ», 1991. 288 с.
12. Новалис. Гимны к ночи. М.: Энигма, 1996. 192 с.
13. Новалис. Фрагменты // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М.: Изд-во Московского ун-та, 1980. С. 94–107.
14. Осанкина В. А. Библейско-евангельская традиция в эстетике и поэзии русского романтизма: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.01.01. Екатеринбург: Урал. Гос. ун-т, 2001. 34 с.
15. Родзевич С. И. К истории русского романтизма // Русский филологический вестник. Т. XXVII. Петроград, 1917. С. 121–128.
16. Семенко И. М. Предисловие // Жуковский В. А. Собрание сочинений: в 4 т. М.; Л., 1959. Т. 1: Стихотворения. 480 с.
17. Чудаков Г. И. Отношение творчества Гоголя к западноевропейским литературам. Киев: Типография Имп. ун-та Св. Владимира, 1908. 182 с.
18. Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика: в 2 т. М.: Искусство, 1983. (История эстетики в памятниках и документах). Т. 1. 479 с.
19. Gorlin M. N. V. Gogol und E. T. A. Goffmann. Leipzig, 1933.

**CHRISTIANITY IN THE ROMANTIC WORD:
GOGOL'S N. V. "LIFE" AND "ANTHEMS BY THE NIGHT" NOVALIS**

I.A. Stanichuk

Tver State University

The scientific and educational center of complex studying of problems of romanticism

In article an attempt of typological rapprochement of Gogol and Novalis through their appeal to secret of Christmas and its poetic image is made.

Key words: *night, dream, secret, Christmas, dead, life*

Об авторе:

СТАНИЧУК Игорь Анатольевич – аспирант научно-образовательного центра комплексного изучения проблем романтизма при ТвГУ (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: stig67@mail.ru